

"Сов. кино" 12 нояб. 1966.

„С К В О З Ь В Р Е М Я“

ЭТОТ фильм о трех молодых поэтах — Павле Когане, Михаиле Кульчицком и Всеволоде Багрицком. Все трое родились между 18-м и 22-м годами, а погибли на фронтах Отечественной войны, не дожив до 25 лет.

Однако поэты начинают работать очень рано, раньше математиков, и формируются также очень рано, раньше физиков. К началу войны у Павла, Михаила и Всеволода был за плечами десяти-двенадцатилетний рабочий стаж и целые сундуки рукописей.

Они были юношами, а Сева Багрицкий попросту мальчиком, но они были настоящими, сложившимися поэтами, уже сумевшими сказать какие-то верные слова о своем времени и о себе.

К началу войны у Павла не было напечатано ни строчки, но его песню о бригадине, которая поднимает паруса, пели все московские студенты. У двадцатитрехлетнего Павла к тому времени был написан роман в стихах, который живет и сейчас, четверть века спустя.

Михаила Кульчицкого я знал ближе всего, еще с детства, кото-

рое мы провели в Харькове, еще с пионерских литературных кружков, где он учил писать стихи многих, и меня в том числе. Он был моим сверстником, 19-го года рождения, но мне он казался человеком необычайным, талантом, энергией и преданностью поэзии превосходящим всех своих ровесников. Я не помню дня, когда бы Кульчицкий не писал стихи. И какие это были стихи: «Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа, когда черна от пота, вверх, ползет по пахоте пехота». Эти строки и сейчас кажутся мне удивительными по силе и точности выражения.

Всеволод Багрицкий был младше всех. Он запомнился мне худым, сутулым, грустным мальчиком, росшим без отца и без матери в пустой квартире. Отец Всеволода — поэт Багрицкий к тому времени умер. Мать была репрессирована, и ее переписка с Всево-

лодом послужила одним из оснований для создания этого фильма.

Сценарист Н. Лосева и режиссер М. Таврог были в трудном положении. Никаких кинокадров о трех поэтах не сохранилось, да их и не было. До войны поэзия не привлекала такого общественного внимания, как сейчас. Напомню, что даже съемки Есенина при его всероссийской, всемирной славе осталось несколько метров кинохроники — кадры об открытии памятника Кольцову.

Да что там кинокадры. Не сохранилось даже кабинетных карточек. На них попросту не было денег. Фотографировались в те годы только для паспортов или студенческих билетов. Однако эти квадратик, когда они увеличиваются до размеров экрана, прекрасно показывают умные, смелые, добрые лица поэтов.

Сохранились рукописи. В фильме вы их увидите. Не следует за-

бывать, что Дарья Андреевна Кульчицкая, мать Михаила, два без малого года хранила в оккупированном немцами Харькове его стихотворения, каждая строчка которых была против фашистов и за нашу землю.

Авторы фильмов — им много помогал близкий друг погибших поэтов Д. Самойлов — решили снять самое важное из того, что от них осталось: добрую память.

Перед уходом на фронт Павел прочитал мне свое стихотворение. Его никто не записал, и от него уцелели только три запомнившиеся мне строки:

Разрыв-травой, травую-
ловицей

Мы прорастем по горькой,
по великой,

По нашей кровью политой земле,

Так оно и случилось. Из горькой и великой, каменистой и пес-

чаной земли Новороссийска, на которой был убит Павел, проросла память о его стихах. Из сталинградских степей — память о стихах убитого там младшего лейтенанта Кульчицкого, из болот и снегов севера — память о военном журналисте Всеволоде Багрицком.

Авторы фильма снимают молодых людей, поющих песню о бригадине в Москве 1966 года. Они снимают также друга Павла — Георгия Лепского, написавшего когда-то музыку к «Бригадине», снимают его рассказ о том, как это было. Они воспроизводят множество фотографий сверстников, однокурсников поэтов, живых и погибших. Они снимают землю, за которую погибли Михаил, Павел и Всеволод, — улицы московского центра, аллеи Сокольников, аудитории ИФЛИ — Института философии, литературы и истории, в котором учился Павел.

Авторы фильма ставят и решают и куда более сложную задачу. Они снимают стихи, причем лирические стихи.

Строки из поэмы Кульчицкого «Самое такое»:

Я очень сильно
люблю Россию,
Но если любовь

разделить
на строчки,

получатся фразы,
получится
сразу:
про землю ржаную,
про небо про синее,
как платье.
И глубже,
чем вздох между точек...
Как платье.

Как будто бы девушка это:
с длинными глазами речек в

осень
под взбалмошной прической
колосистого цвета,
на таком ветру,
что слово...

назад...
приносит...

И снова
глаза
морозит...

За кадром поэт, хорошо помнящий манеру чтения Кульчицкого, читает эти стихи, а в кадре — земля ржаная, небо синее и ветер, относящий слово назад. Решаются задачи чисто изобразительного характера.

Знаменитые слова на памятнике погибшим ленинградцам: «Никто не забыт и ничто не забыто» стали лозунгом всего советского искусства. В Домах писателей висят огромные мраморные доски, испещренные именами погибших. За каждым именем — жизнь и смерть, стихи и проза, труд и подвиг. Хорошо, что среди первых погибших писателей, о которых вспомнил кинематограф, — самые молодые из них: Михаил, Павел и Всеволод.

Борис СЛУЦКИЙ.